

XXIV

18 марта

Стук в дверь.

– Кто там?

Это один из трех друзей, знающих мой тайник. Он бледен и задыхается.

– Что случилось?

– Один линейный полк перешел на сторону народа!

– Значит, идет бой?

– Нет, но Париж на стороне Центрального комитета[168]. Утром шаспо пробили головы двум генералам.

– Где?.. Как?..

– Один отдал приказ[169] открыть огонь по толпе. Но солдаты смешались с федератами, а его самого схватили и убили; первым выстрелил какой-то сержант в пехотной форме. Второй убитый – Клеман Тома. Он явился пошпионить, но кто-то из бывших участников Июня узнал его. К стенке и его!.. Сейчас их трупы, продырявленные, как шумовка, валяются в саду на улице Розье, там наверху, на Монмартре.

Он умолк.

Но ведь это – Революция!

Вот она наконец, желанная минута; я ждал ее, мечтал о ней с тех пор, как испытал первую жестокость отца, как получил первую пощечину учителя; с первого дня без куска хлеба, с первой ночи без крова. Вот она, отплата за коллеж, за нищету и за Второе декабря.

И все же я дрожу. Мне не хотелось бы, чтобы на заре победы наши руки были обагрены кровью.

А может быть, также сознание, что отрезано отступление, перспектива неизбежной бойни, грозной гибели заставили застыть кровь в моих жилах... И не столько из страха попасть

самому на эту гекатомбу, сколько от ледящей мысли, что может настать день, когда мне придется руководить ею.

– Когда вы имели последние известия?

– Час назад.

– И вы уверены, что после расстрелов не было стычки, что не случилось ничего нового, трагического?

– Ничего.

Как спокойны улицы.

Никаких признаков того, что под небом произошли какие-то изменения, что полуторафранковые Бруты[170] перешли Рубикон, подняв руку на карликового Цезаря.

Кстати, что стало с Карликом? Где он, Тьер?

Никто не знает.

Одни думают, что он прячется, готовый каждую минуту бежать; другие – что он копошится в каком-нибудь укромном уголке и отдает распоряжения собрать силы буржуазии, чтобы подавить восстание.

Площадь ратуши безлюдна. Я думал, что мы найдем ее запруженной народом, волнующейся или загроможденной пушками с направленными на нас жерлами.

А она пустынна и безмолвна; не нашлось еще здесь боевого парня или кого другого, кто силой своего убеждения смело зажег бы весь форум сразу, как ламповщик – люстру.

Толпа держится в сторонке, вытягиваясь в линию любопытных, но вовсе не строясь в боевой порядок.

И чего только не говорят!

«Двор полон артиллерии, канониры ждут с зажженными фитилями!.. Вспомните 22 января!.. Если мы сделаем хоть один шаг вперед, откроются двери и окна, и нас всех расстреляют».

Такие разговоры ведутся в разных концах площади, уже окутанной сумраком ночи и где мне мерещатся окровавленные силуэты двух генералов.

Вдруг прибегает какой-то гражданин.

– Улица Тамплъ занята Ранвье... Брюнель собрал свой батальон на улице Ризоли...

Ранвье и Брюнель там! Я тоже иду туда!

– Держитесь ближе к стенам! В случае залпа меньше опасности.

– Да нет! Если б во дворе стояли митральезы, а за окнами прятались бретонские мобили, – их было бы видно!

И мы, несколько человек, разрываем линию; извлекаем три звена из цепи колеблющихся, остальные звенья следуют за нами, бросают линию, и мы двигаемся все вместе.

В самом деле, вот и Брюнель, в парадной форме; он уже у ворот со своими людьми.

Я подбегаю к нему.

Он объясняет мне положение.

– Район в наших руках. Если даже они снова сформируются в каком-нибудь неизвестном нам пункте и нападут на нас, мы сможем продержаться до тех пор, пока Центральный комитет не пришлет нам подкрепление... Ранвье, как вам правильно сказали, здесь, рядом. Утверждают, что Дюваль[171] двинулся с людьми из пятого и тринадцатого округов на префектуру; если это неверно, нужно предложить ему немедленно выступить... Необходимо, чтобы улица Тамплъ всю ночь охранялась по-военному. Я был солдатом и считаю совершенно необходимым противопоставить казарменной дисциплине дисциплину восставших. Разыщите же Ранвье и, как лучший его друг, передайте ему по-товарищески эти замечания. Я лично не могу этого сделать – подумают, что я хочу разыгрывать из себя начальство.

– Будет исполнено!

Он уже там и, бледный, руководит сооружением баррикады.

– Ну вот и готово! Погляди!

Черная линия штыков, целая вереница безмолвных людей. Это – армия Дюваля, молчаливая, как войско Ганнибала или Наполеона после приказа пройти незамеченным через Сен-Готард или Альпы.

Народ на страже – ночь надежная.

Но завтра, с восходом солнца, потребуется громкий призыв сигнального рожка.

И я взялся за одного приятеля.

– «Крик народа» должен снова появиться!.. Предупредите Марсея, выясните в типографии относительно бумаги... Скорее перо, я примусь за передовую!

Я уселся за стол.

Но... я ничего не написал.

Кровь слишком сильно бурлила в моих жилах, мысль жгла мозг; фразы казались мне или слишком напыщенными, или недостойными по своей простоте той великой драмы, над которой только что взвился занавес. Этот занавес, как и театральный, имеет два отверстия, пробитые двумя пулями, по-видимому уложившими на месте обоих генералов.

Когда я немного успокоился и, облокотившись на открытое окно, устремил свой взгляд на город – его застывший покой испугал меня.

Разве город не заодно с Революцией? Разве пули, выпущенные в генералов и пронзившие эти живые мишени, не задели сердце Парижа и он еще не на своем посту? Неужели восстание окажется делом только нескольких вожаков да немногих отважных батальонов?

Почему не чувствуется возбуждения, не слышно шума шагов, бряцанья оружия?

А что, если я снова вернусь к восставшим, к черному войску Дювала, на серую баррикаду Ранвье?..

Подумать только: меня, защитника угнетенных, словно какого-нибудь сюртучника, охватывает тревога перед неизвестными именами!

И я захлопнул окно, не желая смотреть на непроницаемый город; он кажется мне мертвым, а говорили, что он восстал. Я захлопнул окно, и мой мозг тоже словно укрылся за каменную стену, – ни одна мысль не приходит мне в голову.

И на диване с вылезающим из него конским волосом я провел часы, которые должен был бы провести на ногах или прикорнув на походной койке, готовый в любую минуту опустить курок.

Утром я побежал к ближайшим друзьям.

Они тоже выжидали, ошеломленные выстрелами на Монмартре.

А между тем среди этих товарищей есть по-настоящему смелые люди. Это несколько успокаивает меня и примиряет с моей встревоженной совестью.

Не перед опасностью отступали мы целую ночь, – я и мои друзья, – а перед половинчатой победой, одержанной без нас и которую мы могли потерять, вступив в ряды слишком поздно.

Я направляюсь в ратушу.

– Где заседает Центральный комитет?

– Наверху. Направо.

Я пробираюсь, шагая через спящих людей, свалившихся, точно изнуренные животные, на ступеньках лестницы. Они напоминают мне те огромные бурые туши быков, что валялись на улицах во время осады, освещенные бледным светом луны.

Многие из лежащих здесь людей весь вчерашний день, с самого рассвета, провели на ногах, исполняя свой долг и тяжелую работу. Пощекотав штыками груди лошадей, на которых восседали толстые солдафоны Винуа[172], вечером они резали хлеб, делили припасы; некоторые из них запили свой кусок свинины и свою усталость стаканчиком вина, подбодрившим их, – и теперь они немного навеселе.

Но все они как один схватятся за ружья и откроют огонь, если Моро, Дюран или Ламбер – вот имена их генералов! – крикнут, что наступает Ферри с бретонцами и с 106-м полком, как 31 октября.

«К оружию!»

И все побросали бы оловянные кружки, чтобы взяться за патронташи; и уж не тыкали бы больше своим дешевым ножом в кусок домашней солонины, а воткнули бы в жирные груди буржуа свою однозубую вилку, что на конце фленго[173].

Но пока ничто не дышит гневом, не излучает энтузиазма!

Можно подумать, что, за недостатком мест для постоя, целому полку разрешено было расположиться на крыльце префектуры, с правом устраиваться по своему усмотрению как с ужином, так и с ночлегом.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:40:42

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:41:46